

Гаптическое в модернизме

Татьяна Венедиктова

К истории и теории литературной гаптики

DOI: 10.53953/08696365_2026_199_3_77

Tatiana Venediktova

Towards a History and Theory of Literary Haptics

Татьяна Венедиктова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, кафедра общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации), филологический факультет, заведующая, профессор; доктор филологических наук
tvenediktova@mail.ru.

Tatiana Venediktova

Lomonosov Moscow State University, Department of Discourse and Communication Studies, Faculty of Philology, Professor and Chair; PhD
tvenediktova@mail.ru.

Интерес к гаптическому переживанию возник не вчера. Проблематикой чувственно-осязательного контакта, телесного соприсутствия озаботились еще в позапрошлом веке физиологи и психологи, под конец того же столетия — искусствоведы, позже — теоретики кино, еще позже, уже в наши дни, — исследователи новейших медиа. Литературоведы в этой дискуссии до недавних пор не участвовали. Словосочетание «литературная гаптика» едва ли на слуху, и вопросов к этому понятию множество. Считать ли гаптичность характеристикой текста (а если так, тематизируется ли она в нем или проявляется иначе, например на уровне стиля)? Или же в фокус внимания следует поместить отношение к тексту пишущего? Или — читающего? Или необходимо думать о заведомо трудноуловимой взаимосвязи всех трех факторов? Какие теоретические ориентиры в подобном исследовании релевантны? Можно ли говорить об историчности литературной гаптики, предполагая ее взаимосвязь с «сенсориумом» культуры? Как соотносятся в ней универсальное и вариативное? Все эти вопросы в разной степени затрагивались на конференции «Воплощённость читателя, осязаемость чтения: поэзия и проза модернизма и опыты (меж)культурного восприятия», состоявшейся в МГУ им. М.В. Ломоносова в мае 2025 года

с участием коллег из США и четырех университетов КНР. Ряд докладов публикуются ниже в виде статей.

Поставив вопрос в лоб, — является ли литература гаптическим искусством? — мы получим двоякий ответ: «конечно, да» или «конечно, нет», в зависимости от представлений отвечающего о том, что, собственно, такое литература и зачем ее изучать. Очевидная сложность — в том, что гаптика бессловесна и уж тем более далека от любезной филологу буквенности. Работа с письменно-печатным текстом, привычная на всех уровнях образования от начального до высшего, приучает нас видеть в нем объект бестелесный. Прилежно изучая язык как систему форм, правил, значений, мы гораздо меньше и реже думаем о нем как о среде и способе жизнедеятельности, опыте и материи творчества. История литературной гаптики на всех этапах отмечена противоречием между спонтанным писательским поиском и академической рефлексией. В школьных представлениях о романтизме, например, господствует идея о преданности идеальному, возвышенности над всем материальным и плотским. При этом упускается из виду культурный фон — а им была т.н. революция чтения, способствовавшая распространению вширь практик общения с книгой для удовольствия посредством воображаемого соучастия, чувственно-эмоционального вовлечения в текст. Экспессы такого рода в начале XIX века поражали и пугали знатоков, строгих учителей литературы, и наука о ней уже в момент своего становления заняла в отношении этих популярных практик воспитательно-оборонительную позицию — сосредоточилась на правилах извлечения из художественного произведения ценного смысла, неочевидного для профанов. То же повторилось на этапе модернистского бунта — эксперимента, программно обращенного к дорефлексивному, аффективному, бессознательному. Этот импульс подлежал укрощению теорией критического чтения, допускавшей чувственную реакцию и эмоцию только в виде «объективного коррелята». Тот факт, что в сегодняшней перспективе именно гаптическая сторона модернизма (как, впрочем, и предшествовавших ему явлений в истории литературы) оказалась особенно интересна, можно объяснять в разных логиках, включая медиалогическую. Книжную страницу нам все чаще заменяет сенсорный экран, сжимающий пространство между мыслью, касанием, образом и словом. Эстетический опыт формируется в пространстве между языковым и гаптическим пластами коммуникации — эту промежуточность мы и стремимся исследовать, в том числе на материале литературного прошлого.

Что до теоретической опоры этих изысканий, то она формировалась в последние десятилетия под знаком философского прагматизма, энактивизма, «нового материализма», «теории вещи» — как приглашение думать об «языковленном опыте» (*enlanguaged experience*)¹, перформативности текста, воплощенности (*embodiment*) языковых и познавательных практик, в целом об общении как кооперативной и опять-таки воплощенной интеракции. Телесное и интеллектуальное, чувственное и знаковое ищут описания в тесной и динамической взаимосвязи, свободной от порядка бинарных оппозиций.

---

1 Dreon R. Enlanguaged experience: Pragmatist contributions to the continuity between experience and language // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2024. Vol 24. P. 63–83; Dreon R. Human Landscapes. Contributions to a Pragmatist Anthropology. Albany: SUNY Press, 2022.

Движение мысли в этом общем направлении происходит в разных руслах — в качестве одного из многих возможных примеров можно привести концепцию канадского когнитивиста Мерила Дональда. Реконструируя доязыковую пласт сознания, связанный с телесной миметикой, подражательным действием, он вводит выразительное понятие «действия-метафоры» (*action-metaphor*), указывающее на телесную воплотимость действия в разных модальностях (например, гнев может найти выражение в мимике лица, тоне голоса, интонации или жесте). То же действие, будучи реализуемо в литературной речи, не отчуждается от чувственной основы, и так рождается аналоговая, холистическая мысль, в искусстве достигающая высокой изощренности. Современным человеком, считает Дональд, языковые и миметические навыки используются независимо друг от друга, что нередко создает ощущение «миметико-языкового контрапункта» (*mimetic-linguistic counterpoint*), — «Напряжение, которое создается взаимоотталкиванием этих разных по природе модусов репрезентации, — очень сильное средство драматизации, используемое в театре и кино»². К литературе это также относится, и применительно к ней также возникает необходимость описать и осмыслить парадоксальное сотрудничество означенных модусов. Здесь очевидно созвучие с исследовательской программой Х.У. Гумбрехта, призывающего работать с «эффектами значения» и «эффектами присутствия», которые в искусстве и разны, и неразделимы.

Предлагаемые ниже материалы мы довольно условно разделили на три блока. Первый — «К эстетике умного касания» — сосредоточен на *tactus eruditus*, искусстве соединять сознание с ощущением на кончиках пальцев, которое великолепно использовали доктор Чехов в прозе и доктор Уильямс в поэзии. В статье **Татьяны Венедиктовой** рассмотрен такой контекстный факт, как интерес к зрительному осязанию, выраженный и все шире наблюдаемый во второй половине XIX века. **Рональд Шлейфер** к теме гаптики пришел путем исследования модернизма³, и его небольшая статья, публикуемая одновременно с новой книгой «Гаптические искусства»⁴, описывает касание словом, прямое контактное взаимодействие как «плотскую мудрость» — гуманистический противовес безрадостно скептическому умонастроению, с которым модернизм по большей части ассоциируется.

В «Прогулках с Вирджинией Вулф» полигоном аналитических упражнений избрана проза «первой дамы» британского модернизма. В статье **Наталии Морженковой** рассмотрена ее внутренняя связь с ритмами физического, «фланерского» движения в городском пространстве. **Дина Шулятьева** акцентирует фактор вещественности в мироотношении и стилистике Вулф, рассматривая то, как опыт прямого контакта с вещью обеспечивает взаимодействие героя, нарратора и читателя.

-
- 2 Donald M.W. The Definition of Human Nature// The New Brain Sciences: Perils and Prospects / Ed. by D. Rees, S. Rose. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 51–52.
  - 3 Р. Шлейфер — автор четырех книг, посвященных разным аспектам модернизма, из них одна рецензировалась в НЛЮ. См. *Венедиктова Т.Д.* Политэкономия литературного модернизма (Рец. на кн.: *Schleifer R.* A Political Economy of Modernism: Literature, Post-Classical Economics and the Lower Middle-Class. Cambridge, 2018) // Новое литературное обозрение. 2020. № 162. С. 350–355.
  - 4 *Schleifer R.* The Haptic Arts: How Touch Shapes Our Place in the World. London: Bloomsbury Academic, 2026.

Наконец, третий блок — «Аффективная со-настройка в поэзии и театре» — сфокусирован по преимуществу на авангардистском эксперименте. **Анна Швец** предпринимает попытку реконструировать интенсивно эротичное воображение поэтессы Мины Лой и возникающий на его основе «ангажемент» между пишущим и читающим субъектом. **Чанг Чен** интересуется то, как гаптическая эстетика внедряется в театральные практики усилиями драматургов (Г. Стайн и С. Беккет), режиссеров (Г. Крейг и Вс. Мейерхольд) и теоретиков театра (А. Арто и Ф.Т. Маринетти).

Во всех случаях взаимодействие текста с его адресатом открывается описанию как мультисенсорный опыт, что само по себе — новая и нелегкая задача. Пестрое множество микростимулов, рассыпанных в тексте и/или содержащихся в ситуации письма/чтения, важно не инвентаризировать только, но понять как совокупное, сложное и богатое действие. «Интегралы» эстетического, по сути своей гаптического, опыта возникают в порядке суммирования практически бесконечного числа слагаемых, микроскопических и часто недоступных осознанию, рациональному учету. Именно они интригуют сегодня филологов, психологов, антропологов, нейрофизиологов и литературоведов. Чем плотнее мы вникаем в «интерфейс», в формы телесной вовлеченности читателя в литературное высказывание, — а самого высказывания в медийные и когнитивные (также телесные в своей основе) практики, — тем шире и неожиданнее раскрывается горизонт дальнейшей работы.